

АЙН РЭНД

ГИМН

AYN RAND

ANTHEM

АЙН РЭНД

ГИМН

Перевод с английского

2-е издание

Москва
2009

УДК 304.9+82.31
ББК 87.65+84(7)
Р96

Переводчик Д.В. Костыгин

Рэнд А.

Р96 Гимн / Айн Рэнд ; Пер. с англ. — 2-е изд. — М.: Альпина Паблишерз, 2009. — 112 с.

ISBN 978-5-9614-1133-1

Повесть «Гимн» Айн Рэнд — социально-политическая антиутопия. Это критика тоталитарного общества, подавляющего творчество и человеческие чувства. В этом варварском обществе ни у кого нет личных имен: есть «мы», но нет «я», никто не вправе думать, созидать и выбирать свой жизненный путь. Главный герой открывает электричество и предлагает использовать силы природы во благо человечества. Но люди, привыкшие жить в первобытном страхе, не верят в силу разума. Герою предстоит построить свой мир, осознать себя индивидуальностью и научиться говорить «Я».

УДК 304.9+82.31
ББК 87.65+84(7)

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, а также запись в память ЭВМ для частного или публичного использования, без письменного разрешения владельца авторских прав. По вопросу организации доступа к электронной библиотеке издательства обращайтесь по адресу lib@nonfiction.ru.

© Pamphleteers, Inc., 1946
© Костыгин Д.В., перевод на русский язык, 1997
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Альпина Бизнес Букс», 2008
Издано по лицензии Curtis Brown Ltd
и литературного агентства Synopsis

ISBN 978-5-9614-1133-1 (рус.)
ISBN 1-57675-169-4 (англ.)

I

Писать такое — грех. Грех — думать слова, которые не думают другие, и записывать их на бумагу, которую не должны видеть другие. Это низко и порочно. Это все равно что разговаривать, чтобы никто не слышал. Мы хорошо знаем, что нет страшнее преступления, чем действовать или думать в одиночестве. Мы нарушили закон, потому что никому нельзя писать, если на то нет повеления Совета по Трудю. Да простят нам это!

Но это не единственный наш грех. Мы совершили даже более страшное преступление, преступление, которому нет названия. Какое наказание ожидает нас, если все откроется, — не знаем. О таком преступлении люди еще не слышали, и ни в одном законе не предусмотрено наказание за него.

Здесь темно. Пламя свечи не колеблется. В туннеле все замерло, и только наша рука перемещается по бумаге. Здесь, под землей, мы одни. Одни — какое страшное слово. В законе сказано, что никто не

должен оставаться один, никогда. Это ужасное преступление — причина всех зол. Но это не первый закон, нарушенный нами. Здесь нет ничего, кроме нашего тела. Странно видеть только две ноги, вытянутые по земле, а на стене перед собой только одну тень. Вода тихо, тонкими струйками стекает по щелям в стене. Темная и блестящая, как кровь. На полу — свеча, украденная из кладовой Дома Подметальщиков. Если это обнаружится, нас приговорят к десяти годам заключения в Исправительном Дворце. Но это неважно. Важно, что свет бесценен и нельзя тратить его на записи, потому что он нужен нам для работы, которая и есть наше преступление. Ничто вокруг не имеет значения, кроме нашей работы, тайны, порока, нашей драгоценной работы. И все же мы должны писать — да помиует нас Совет! — мы хотим хоть раз поговорить только с собой и ни с кем больше.

Наше имя Равенство 7-2521. Так написано на нашем железном браслете, таком, какой все люди носят на левом запястье. Нам двадцать один год. Наш рост шесть футов. Это плохо, не так уж много людей шести футов ростом. Учителя и Начальники всегда выделяли нас и, хмурясь, говорили: «Равенство 7-2521, в твоих костях живет зло, ибо твое тело переросло тела твоих братьев». Но мы не в силах изменить ни нашего тела, ни наших костей.

Мы родились проклятыми. Это всегда порождало в нас запрещенные мысли и недозволенные желания.

Мы знаем, что порочны, но в нас нет ни сил, ни воли противостоять этому. Мы сознаем свою порочность и не сопротивляемся ей — и это источник нашего изумления и тайного страха. Мы стараемся быть похожими на братьев — все люди должны быть похожими. На мраморных воротах Дворца Мирового Совета высечены слова, которые мы повторяем про себя всякий раз, когда нас одолевает искушение:

«Мы во всем, и все в нас. Нет людей, есть только великое Мы. Единственное, неделимое, вечное». Мы повторяем эти слова снова и снова, но это не помогает. Эти слова высечены давно. Буквы и желтые прожилки в мраморе покрылись зеленой плесенью, возраст которой уже никто не способен определить. Эти слова — правда, потому что написаны они на Дворце Мира и Мирового Совета — символе нашей веры. Так было всегда, со времен Великого Воскресения и даже до него. Так давно, что никто не может этого помнить. И мы никогда не должны говорить о том, что было до него, под страхом заключения в Исправительный Дворец. Только старики в Доме Бесплезности шепчутся об этом по вечерам. Они шепчутся о сотнях странных вещей: о башнях, поднимавшихся к небу, о вагонах, двигавшихся без лошадей, и свечах, горевших без пламени. Но те времена были порочны, и когда люди поняли Великую Истину, правду о том, что все люди — одно целое и нет желания, кроме общего желания всех людей, тем временам пришел конец.

Все люди достойны и мудры. Только мы, Равенство 7-2521, родились проклятыми и не похожими на братьев. Так было всегда, и это шаг за шагом вело нас к нашему последнему тягчайшему преступлению, преступлению из преступлений, спрятанному здесь, под землей. Мы помним Дом Детей, где вместе с другими детьми Города, родившимися в один год с нами, жили до пяти лет. В спальнях залах были белые чистые стены. Там ничего не было, кроме сотни кроватей.

Тогда мы были похожи на братьев во всем, кроме того, что дрались с ними. Мало преступлений хуже, чем драка с братьями, независимо от возраста и причины. Совет Дома объявил нам об этом, и из всех детей нашего возраста нас чаще всего запирали в подвал.

Когда нам исполнилось пять лет, нас перевели в Дом Учеников. Там было десять корпусов на десять лет обучения. Люди должны учиться до пятнадцати лет. Затем идти работать. Мы вставали с боем большого колокола на башне и ложились спать, когда он бил во второй раз. Перед сном нас собирали в большом зале, где, подняв правую руку, мы хором повторяли за учителями: «Мы — ничто. Человечество — все. По милости наших братьев даны нам наши жизни. Мы существуем благодаря нашим братьям и только для них. Ибо они и есть Государство. Аминь».

Затем мы ложились. Спальни были белые, чистые, там не было ничего, кроме сотни кроватей.

Мы, Равенство 7-2521, не были счастливы, живя в Доме Учеников. Но не потому, что нам трудно давалось обучение, а как раз потому, что оно было слишком легким. Большой грех — родиться с головой, которая слишком быстро соображает. «Плохо быть не такими, как братья, но быть выше их еще хуже» — так, сердито глядя на нас, поясняли Учителя. Итак, мы боролись против своего проклятия. Пытались забывать уроки, но всегда помнили их, пробовали не понимать того, чему учили Учителя, но всегда понимали еще до того, как они открывали рот. Мы пытались подражать Союзу 5-3992. Они были бледный мальчик, у которых не хватало половины мозга. Мы пытались говорить и делать все так, как они, чтобы быть похожими на них, но каким-то образом Учителя всегда выводили нас на чистую воду. Нас пороли чаще других. Учителя были справедливыми, ведь они назначались Советом, а Совет — голос справедливости, голос народа. И если иногда мы и жалели об этом в самом темном уголке сердца, о том, что произошло в день нашего пятнадцатилетия, мы знаем, что это случилось только по нашей вине. Мы не вняли словам Учителей: «Не смейте задумываться о том, какую работу хотели бы выполнять, когда выйдете из Дома Учеников. Вы будете работать там, куда вас направит Совет по Трудю. Совет по Трудю, в своей великой мудрости, знает, где вы нужны вашим братьям, лучше, чем можете это знать вы, имея всего

лишь свой недостойный маленький умишко. А если вы не нужны братьям, то вам нет смысла обременять землю своим телом». Тем самым мы нарушили закон. С детства нас учили этому, но проклятье поколебало нашу волю. Мы виновны в великом Преступлении Предпочтения. Мы предпочитали одну работу и одни уроки другим. Не слушая историю Советов, избранных со дня Великого Воскресения, мы обожали Науку о вещах. Мы хотели знать, знать обо всем, что составляло мир вокруг нас. Мы задавали столько вопросов, что учителя запретили нам это делать. Мы думали, что в небе, под водой, в растущих растениях заключены тайны. Но Совет Ученых сказал, что никаких тайн не существует, а Совет Ученых знает все. Много мы узнали от Учителей. Нас научили, что земля плоская и что солнце вращается вокруг нее, что это и является причиной смены дня и ночи. Мы учили названия ветров, которые дуют над океанами, надувая паруса наших великих кораблей. И узнали, как делать кровопускание, чтобы вылечить от любой болезни. Мы любили Науку о вещах. И, просыпаясь среди ночи, когда вокруг не было братьев и только очертания их тел виднелись в темноте и слышался их храп, мы закрывали глаза, сжимали губы, задерживали дыхание, чтобы дрожь не выдавала нашим братьям нашу самую сокровенную мысль. Мы мечтали о том, что, когда придет время, нас пошлют в Дом Ученых. Все великие изобретения совершают-

ся там. Например, не более ста лет назад там открыли, как делать свечи из воска и веревки, как делать стекло, которое вставляют в окна, чтобы защитить нас от дождя. Чтобы делать открытия, Ученые изучают землю, реки, пески, ветра, горы. И если бы только мы попали в Дом Ученых, то все это стало бы понятно и нам. Мы могли бы задавать столько вопросов, сколько захотели, потому что там не запрещается задавать вопросы. Вопросы не давали нам покоя. Мы теряемся в догадках, пытаюсь понять, почему проклятие заставляет нас искать неизвестно что снова и снова. Но мы не можем противиться этому. Проклятие нашептывает нам, что на земле есть великие тайны и что мы сможем открыть их, если постараемся, и мы должны это сделать. Мы спрашиваем: почему? Но нет нам ответа. Мы должны знать, что мы можем.

Итак, мы мечтали о Доме Ученых. От одной мысли об этом по ночам наши руки начинали дрожать, и мы до боли кусали их, чтобы уменьшить ту, другую боль, которая была невыносима. Это так порочно. Наша вина была так велика и мы так остро ощущали ее, что утром не осмеливались взглянуть братьям в глаза. Человек не должен ничего хотеть для себя. И наше порочное желание было наказано, когда Совет по Трудю выдавал пожизненные Мандаты. В них пятнадцатилетним определяли место работы на всю оставшуюся жизнь. Совет по Трудю собирался в первый день весны. Он заседал в боль-

шом зале. Учителя и мы, те, кому исполнилось пятнадцать, тоже вошли туда. Совет восседал на высоком помосте. Ученикам они говорили не более двадцати слов. Первое было именем ученика, и, когда тот подходил, Совет произносил: «Плотник», или «Доктор», или «Повар», или «Начальник». И каждый ученик, поднимая правую руку, отвечал: «Воля братьев будет исполнена». Если Совет выкрикивал: «Плотник» или «Повар», то ученик шел работать без дальнейшего обучения. Но назначенные Начальниками отправлялись в самое высокое, трехэтажное здание Города — Дом Начальников. И там в течение долгих лет они обучались для того, чтобы впоследствии стать кандидатами и быть выбранными в Городской, Государственный или Мировой Совет свободным и всеобщим голосованием. Но мы совсем не хотели быть Начальниками, хотя это и считалось великой честью. Мы хотели быть Учеными. Итак, стоя в большом зале и ожидая своей очереди, мы слышали: «Равенство 7-2521». Мы подошли к возвышению и без дрожи в коленках, твердо взглянули на Совет. В нем было пять человек, трое мужского и двое женского пола. Волосы их были белы, а лица покрыты трещинами, как глина в русле высохшей реки. Они выглядели древнее мрамора храма Мирового Совета. Неподвижно сидели они перед нами. Ни одно дуновение ветерка не тревожило складок их белых тог. Но мы знали, что они живы, — палец руки старей-

шего поднялся, указывая на нас, и снова опустился. Это был единственный признак жизни. Даже губы старейшего не дрогнули, когда они произнесли: «Подметальщик». Мышцы нашей шеи напряглись, когда мы поднимали голову, чтобы посмотреть на членов Совета, и мы были счастливы. Мы осознавали свою вину, но вот нам предоставлена возможность искупить ее. Получив пожизненный Мандат, мы станем работать на благо братьев с великой радостью и охотой, смоём наш грех против них, грех, о котором они и не подозревали. И там мы были счастливы и гордились победой над собой. Подняв правую руку, мы произнесли: «Воля братьев будет исполнена». В тот день наш голос был самым твердым и звонким в зале. Мы взглянули в глаза Совета, но они были холодны, как голубые стеклянные пуговицы. Итак, нас отправили в Дом Подметальщиков. Это серое здание на узкой улице. Во дворе висели солнечные часы, по которым Совет Дома определял время суток и то, когда надо звонить в колокол. Мы поднимаемся со звоном колокола. В выходящих на восток окнах видно зеленое, холодное небо. Тень на часах проходит половину часового интервала, пока мы одеваемся, едим завтрак в обеденном зале, где на пяти длинных столах стоят двадцать глиняных тарелок и двадцать глиняных кружек. Затем мы отправляемся на улицы Города работать, взяв с собой грабли и метлы. Через пять часов, когда солнце стоит высоко, мы возвращаемся

в Дом и обедаем. На это также отпускается полчаса. Затем снова работаем. Через пять часов на тротуарах появляются голубые тени. Мы возвращаемся на ужин, который длится один час. Затем звонят в колокол, и мы стройной колонной идем к одному из Городских Залов, на Общественное собрание. Колонны из других домов следуют за нашей. Свечи зажжены, и Советы разных домов поднимаются на кафедру. Они говорят о наших обязанностях и братьях. Затем выходят приезжие Начальники. Они произносят речи, приготовленные для них Городским Советом, — Городской Совет представляет всех людей, и все должны знать его мнение. Затем мы поем гимны: Гимн Братства, Гимн Равенства и Гимн Коллективного Духа. Небо становится серо-лиловым. И мы возвращаемся в Дом.

Опять звонит колокол, и стройная колонна движется в Городской Театр, где проходят два часа досуга. На сцене играется пьеса. Два больших хора из Дома Актеров задают вопросы и тут же отвечают на них. Пьеса о труде и о том, как он важен. Затем мы маршируем обратно в Дом. Небо подобно черному решету с подрагивающими серебряными каплями, готовыми провалиться сквозь него. Мотыльки бьются об уличные фонари. Мы ложимся спать и спим, пока колокол не зазвонит снова. Спальные залы белые, чистые, и в них нет ничего, кроме сотни кроватей. Так день за днем мы прожили четыре года, пока две весны назад не преступили закон.

Так должны жить все люди до сорока лет. В сорок их силы истощаются. Тогда их посылают в Дом Беспольности, там живут Старики. Они не работают. О них заботится Государство. Летом они сидят на солнце, зимой — у огня, редко говорят, ибо утомлены. Они знают, что скоро умрут. Если случается чудо и они доживают до сорока пяти, их называют Древнейшими, и дети, проходя мимо Дома Беспольности, с интересом разглядывают их. Такова наша участь. Такова была бы и наша участь, если бы мы не совершили преступление, которое перевернуло всю нашу жизнь. Наше проклятие привело к преступлению. Мы были хорошими Подметальщиками, во всем похожими на братьев. Лишь одно отличало нас от них — наше проклятое желание знать. Мы слишком часто засматривались на звезды по ночам и слишком пристально рассматривали деревья и землю.

Подметая двор Дома Ученых, мы собирали стеклянные бутылочки, кусочки металла, высушенные кости, выброшенные на помойку. Нам очень хотелось оставить все это себе и хорошенько изучить потом, но это было негде спрятать. И мы относили все в Городскую Выгребную Яму. А затем мы сделали открытие. Это случилось в день предпоследней весны. Мы, Подметальщики, работаем в бригадах по трое. В тот день с нами был Союз 5-3992, тот, с полуизвилиной, и Интернационал 4-8818. Союз 5-3992 сильно болен, и иногда с ними

случаются судороги. Тогда у них стекленеют глаза, изо рта идет пена. Интернационал 4-8818 другой. Они высоки и сильны, и глаза их похожи на светлячков — со смешинками. Мы не можем смотреть на Интернационал 4-8818 и не улыбнуться в ответ. Из-за этого их не любили в Доме Учеников. Нельзя беспричинно улыбаться. И еще их не любили потому, что они кусочком угля рисовали на стенах картинки, вызывающие хохот. Но только братьям из Дома Художников разрешено рисовать, поэтому Интернационал 4-8818 послали в Дом Подметальщиков, как и нас. Интернационал 4-8818 и мы были друзьями. Порочно говорить так. Любить кого-то из людей больше, чем других, — великое преступление предпочтения. Мы обязаны любить всех людей, и все должны быть нашими друзьями. Поэтому Интернационал 4-8818 и мы никогда не говорили об этом. Но мы понимаем это, лишь взглянув друг другу в глаза. В эти моменты мы оба осознаем и многое другое, то странное, что не выскажешь словами и что пугает нас. Итак, в тот день предпоследней весны, на краю Города, у Городского Театра, с Союзом 5-3992 случился приступ. Мы оставили его лежать в тени театральной палатки и пошли с Интернационалом 4-8818 заканчивать работу. Мы вместе шли к большому оврагу за театром. Там нет ничего, кроме деревьев и сорняков. За оврагом — равнина, а за равниной — Неведомый Лес, думать о котором запрещено.

Мы подбирали листья и мусор, который разбросал ветер, как вдруг среди сорняков увидели железный прут. Он был стар и из-за дождей покрылся ржавчиной. Даже потянув изо всех сил, мы не смогли сдвинуть его. Поэтому мы позвали Интернационал 4-8818 и вместе выскребли землю вокруг прута. Неожиданно земля перед нами обвалилась, и мы увидели старую железную решетку, закрывавшую черное отверстие. Интернационал 4-8818 отступил на шаг. Мы сами потянули решетку, и она поддалась. Там были кольца, похожие на ступеньки, ведущие в глубину шахты — в темноту. Она была бездонна.

— Спустимся, — сказали мы Интернационалу 4-8818.

— Это запрещено, — отозвались они.

— Совет не знает об этой дыре, а потому не может запретить спускаться в нее, — настаивали мы.

— Если Совет не знает об этой дыре, не может быть закона, разрешающего входить туда. А все, что не разрешено законом, запрещено, — продолжали они.

— Мы все равно пойдем.

Они были испуганы, но, не отходя, смотрели на нас.

Мы зацепились руками и ногами за кольца и стали осторожно спускаться. Внизу была непроглядная тьма. А отверстие с кусочком неба наверху становилось все меньше и меньше, пока наконец не сделалось размером с пуговицу. Но мы все продолжали двигаться. Вдруг ноги коснулись земли. Протерев

глаза, мы огляделись. Поначалу ничего не было видно, но вскоре глаза привыкли к темноте, хотя поверить тому, что они увидели, было невозможно. Никто известный нам, ни братьям, ни тем, что жили до нас, не мог построить такого, и все же это было сделано руками человека. Большой туннель. Стены твердые и гладкие. На ощупь, казалось, это был камень, и все же это был не он. На земле две длинные железные колеи, но это не было железом. Они были гладкие и прохладные, как стекло. Мы поползли вперед, держась руками за колею, пытаясь понять, куда она ведет. Но впереди была непроницаемая ночь, только колея поблескивала в ней, прямая и белая, зовущая за собой. Ползти становилось все труднее и труднее. Темнота окружала нас. И, повернувшись, мы поползли назад. Сердце беспричинно стучало, и его стук отдавался в кончиках пальцев. Вдруг мы поняли почему. Все это осталось с Незапамятных Времен. Значит, они действительно существовали, все чудеса, о которых шепчутся Старики, действительно совершались. Сотни и тысячи лет назад люди знали секреты, которые мы потеряли. И мы задумались: «Скверное место. Те, кто трогает вещи, оставшиеся с Незапамятных Времен, прокляты». Но когда мы ползли, рука, держащаяся за железо, вцепилась в него и не отпустила бы, будто кожа, чувствуя жажду, просила металл открыть ей секрет той жидкости, которая билась в его холоде. Мы выбрались на поверхность. Интернационал 4-8818 взглянули на нас и отпрянули.

— Равенство 7-2521, — сказали они, — вы бледны.

Но мы не могли произнести ни слова и смотрели на них не отрываясь. Они отступили на шаг, не осмеливаясь дотронуться до нас. Затем улыбнулись. Но улыбка эта не была веселой. Она была полна растерянности и мольбы. Но мы по-прежнему молчали, и тогда они сказали:

— Мы донесем о нашем открытии Совету, и нас обоих наградят.

Затем заговорили мы. Наш голос был тверд и безжалостен. Мы сказали:

— Мы не донесем об этом ни в Совет, ни куда-либо еще.

Они зажали уши руками — никогда не слышали они подобных слов.

— Интернационал 4-8818, — спросили мы, — вы донесете на нас Совету и будете спокойно смотреть, как нас бьют плетью на ваших глазах?

Внезапно расправив плечи, они проговорили:

— Скорее умрем.

— Тогда молчите. Это место наше. Оно принадлежит нам, Равенству 7-2521, и никому больше. И если нам придется отдать его, то мы отдадим и нашу жизнь вместе с ним.

Глаза Интернационала 4-8818 наполнились слезами, не решившимися скатиться. Дрожащим голосом они прошептали, слова застревали у них в горле:

— Воля Совета превыше всего, ведь это воля наших братьев, она свята для нас. Но если вы так хотите, мы подчинимся вам. Лучше мы совершим грех с вами, чем добро со всеми нашими братьями. Да будет Совет милосерден к нам.

Возвращались мы в Дом Подметальщиков в тишине. С тех пор каждую ночь, когда звезды были высоко и Подметальщики сидели в Городском Театре, мы, Равенство 7-2521, прокрадывались наружу сквозь темноту, пробирались к заветному месту. Сбежать из Театра нетрудно. Когда задувают свечи и актеры выходят на сцену, никто не замечает, как мы крадемся под стульями к выходу. Позже, под прикрытием тьмы, легко незамеченными встать в колонну, строем идущую из Театра, рядом с Интернационалом 4-8818. На улицах темно, и вокруг никого нет — никому не разрешается бесцельно бродить по Городу. Каждую ночь мы бежим к оврагу, отодвигаем камни, которые набросали на решетку, чтобы спрятать ее от людских глаз. По три часа мы проводим под землей в полном одиночестве, украв свечи из Дома, украв кремень, ножи и бумагу, мы перенесли все туда. У нас есть даже стеклянные пузырьки, порошки и кислоты из Дома Ученых. И вот каждую ночь по три часа мы в туннеле, мы учимся: распрямляем странные металлы, смешиваем кислоты, разрезаем тела животных, которые находим на Городской Свалке. Выстроив печь из кирпичей, собранных на улице, мы сжигаем в ней сучья, кото-

рые находим в овраге. Огонь потрескивает в печи, и голубые тени танцуют на стенах, ни один звук не беспокоит нас. Мы украли манускрипты. Это ужасный проступок. Манускрипты бесценны. Братья из Дома Клерков тратят около года на то, чтобы разборчивым почерком переписать один манускрипт. Манускрипты — большая редкость, и они хранятся в Доме Ученых.

Вот мы сидим под землей и читаем украденные манускрипты. Прошло два года с тех пор, как мы нашли это место. И за эти два года мы узнали больше, чем за десять лет, проведенных в Доме Учеников: познали то, чего нет в манускриптах, раскрыли тайны, о существовании которых Ученые даже не подозревают. Мы поняли, как велико неисследованное и как мало одной жизни, чтобы понять все это. Мы ничего не хотим, лишь в уединении проводить исследования, чувствовать, как день ото дня наше зрение становится острее ястребиного и чище, чем горный хрусталь. Неисповедимы пути порока. Мы нечестны перед братьями, нарушили волю Совета. Мы единственные из всех, кто ходит в этот час по земле, совершаем работу только потому, что мы этого хотим. Ужас нашего преступления не постичь умом. А наказания, которое нас ждет, не может вынести человеческое сердце, ибо даже память Древнейших не вспомнит похожего на то, что совершили мы. И все же мы не чувствуем ни стыда, ни сожаления, на-

зывая себя предателем и злодеем, не чувствуем тяжести на душе и страха в сердце. Кажется, что душа наша чиста, как озерная вода, и ее не тревожит ни один взгляд, кроме взгляда солнца. А на сердце — неисповедимы пути порока — спокойно, как никогда.

II

Свобода 5-3000... Свобода 5-3000... Свобода 5-3000... Нам хочется писать и писать это имя, прокричать его во все горло, но мы осмеливаемся лишь шептать его. Мужчинам запрещено замечать женщин, а женщинам мужчин. Но мы думаем об одной из них, о тех, имя которых Свобода 5-3000, мы не думаем о других. Женщины, которые работают с землей, живут в Доме Крестьян за Городом. Там, на окраине, есть большая дорога, ведущая на север. И мы, Подметальщики, должны поддерживать чистоту этой дороги до первого столба. Вдоль нее изгородь, а за ней простираются поля, черные, вспаханные, похожие на громадный раскрытый веер. Борозды сходятся к какой-то невидимой руке за горизонтом. Они простираются от нее вперед и широко распахиваются перед нами, как черные пластинки, на которых блестят тонкие зеленые прожилки. На полях работают женщины, и их белые туники, развевающиеся на ветру, похожи на крылья чаек, бьющихся о черную землю. Там

мы и увидели Свободу 5-3000. Они шли вдоль борозды, и тело их было прямо и тонко, как металлическое лезвие, твердые глаза блестели. В них не было ни страха, ни доброты, ни вины. Их блестящие волосы переливались золотом на солнце. Дикие, они как будто умоляли кого-нибудь их приручить. Они бросали зерна, будто соблаговолив бросить этот презренный дар, а земля была нищенкой у них под ногами. Мы стояли не двигаясь, впервые познав страх, а затем и боль. Мы стояли не двигаясь, чтобы не расплескать эту боль, более драгоценную, чем удовольствие. Затем мы слышали, как кто-то позвал: «Свобода 5-3000». Они повернулись. Так мы узнали их имя и не отрываясь смотрели, как они уходили, пока туника не пропала в голубом тумане. И на следующий день мы опять пришли на северную дорогу и замороженно смотрели, как Свобода 5-3000 работали в поле. С тех пор мы вновь и вновь каждый день испытывали эту тоску ожидания начала работы на северной дороге. И там мы видели Свободу 5-3000. Мы не знаем, замечали ли они нас, скорее всего — да. Однажды мы подошли близко к изгороди, и вдруг они повернулись к нам, подхваченные каким-то водоворотом. Минуту они неподвижно, подобно камню, стояли, пристально рассматривая нас, глядя прямо в наши глаза. На лице не было ни улыбки, ни приветствия. Но его выражение было напряженно и глаза темны. Они отвернулись так же резко и быстро пошли прочь.

На следующий день, подойдя к изгороди, мы заметили улыбку. Они улыбались нам. И мы улыбнулись в ответ. Их голова откинулась, руки повисли как плети, будто великая усталость окутала все тело. Они не смотрели больше на нас, взгляд был обращен в небо. Они повернулись, и мы почувствовали, как невидимая рука дотронулась до нас, тепло ее прошло с головы до ног. Теперь мы приветствовали друг друга глазами, не осмеливаясь говорить, каждый день. Говорить с людьми других профессий, кроме как на Общественных Собраниях, — преступно. И вот однажды, стоя у забора, подняв руку ладонью вниз, мы медленно протянули ее к Свободе 5-3000. Если бы другие заметили это, они бы ничего не поняли. Было похоже на то, что мы заслоняемся от солнца. Но Свобода 5-3000 заметили и поняли все. Они сделали так же. С этого дня мы так приветствовали Свободу 5-3000, и они отвечали так же. И никто не мог заподозрить ничего дурного. Мы не удивляемся этому нашему новому преступлению. Ведь это уже второе преступление. Предпочтение, совершенное нами, ведь ни об одном из братьев мы не думаем, как о Свободе 5-3000. Не знаем, ни почему мы думаем о них, ни почему, когда мы думаем о них, земля становится прекрасной и жизнь не кажется больше только нудной необходимостью, она становится удовольствием.

Мы не думаем о них как о Свободе 5-3000. В мыслях мы дали им другое имя — Золотая. Но

давать людям имена, отличающие их от других, — грех. И все же мы называем их Золотая, потому что они не похожи на остальных. Мы не вспоминаем, что никогда, кроме Времени Спаривания, мужчины не должны думать о женщинах. Время Спаривания — это одна ночь весной, когда всех мужчин старше двадцати и женщин старше восемнадцати посылают в Городской Дворец Спаривания, каждому мужчине Совет Евгеники выделяет женщину. Дети рождаются каждую зиму, но ни родители, ни дети не знают друг друга. Нас дважды посылали во Дворец Спаривания, но это так безобразно и постыдно, что мы не любим думать об этом. Ко всем нашим преступлениям сегодня прибавилось еще одно — сегодня мы поговорили с Золотой. Когда мы остановились на краю дороги у изгороди, другие женщины были далеко в поле. Золотая стояли на коленях у пересекающего его рва, одна. И когда они подносили воду к губам, капли, падающие с их рук, походили на солнце, на искры огня. Затем они увидели нас, но, все еще не двигаясь, продолжали стоять на коленях и смотреть на нас. Отблески солнца играли на их белой тунике, и блестящая капля упала с руки, застывшей в воздухе. Золотая поднялись и подошли к изгороди, будто прочитав в наших глазах мольбу. Двое других Подметальщиков нашей бригады были в ста шагах вниз по дороге. Мы были уверены, что Интернационал 4-8818 не предаст нас, а Союз 5-3992 просто ничего не пой-